

Александра Анненская

Чарльз Диккенс. Его жизнь и литературная деятельность



Жизнь замечательных людей

Александра Анненская

**Чарльз Диккенс. Его жизнь и
литературная деятельность**

«Public Domain»

Анненская А. Н.

Чарльз Диккенс. Его жизнь и литературная деятельность
/ А. Н. Анненская — «Public Domain», — (Жизнь
замечательных людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только bibliофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы — профессия.

Содержание

Введение	6
Глава I	8
Глава II	12
Глава III	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александра Анненская Чарльз Диккенс. Его жизнь и литературная деятельность

Биографический очерк А. Н. Анненской

С портретом Диккенса, гравированным в Лейпциге Геданом



Введение

С конца XVII века роман является в Англии одной из наиболее распространенных и наиболее любимых форм художественной литературы. Своим «Робинзоном Крузо» Дефо открыл целый ряд всевозможных робинзонад, описаний более или менее правдоподобных походов разных героев в далеких и малоисследованных странах; Свифт облек в форму романа свою едкую сатиру на весь строй современной ему жизни; Ричардсон перенес роман в сферу семейных отношений и заставил всю читающую Англию плакать над несчастьями Клариссы; Филдинг и в особенности Смоллетт давали в своих произведениях живые, реалистические описания действительной жизни и создавали характеры, полные неподдельного комизма; Стерн умел счастливо соединить юмор с сентиментальностью, а Голдсмит со своим «Векфилдским священником» занял почетное место в литературе не только Англии, но и всей Европы. Романтическое направление, охватившее Европу в первой половине XIX века, нашло отголосок и среди романистов Англии. Анна Рэтклиф наводила на нервных людей трепет своими «Удольфскими тайнами», последователи ее громоздили в своих произведениях ужасы на ужасах, и, наконец, Вальтер Скотт создал исторический роман, в котором романтизм является без болезненных преувеличений, ограниченный трезвым умом и художественным чутьем, никогда не уносящийся за пределы реально возможного. Как все великие писатели, Вальтер Скотт имел множество последователей, и в первой половине девятнадцатого столетия масса исторических и этнографических романов наводнила Англию. Роман семейный, психологический, изображающий нравы и быт современной эпохи, современного общества, отступил на задний план. Чтобы снова вернуть ему симпатии читателей, за него должна была взяться рука талантливого мастера. Таким мастером явился Чарльз Диккенс.

Диккенс смело может быть назван самым популярным романистом не только Англии, но и всего мира. Больше двадцати лет прошло со времени его смерти и около шестидесяти – со времени появления его первого литературного произведения, а романы и повести его до сих пор составляют одно из любимейших чтений не только там, где господствует английский язык: в Великобритании, Североамериканских Штатах, Австралии, Ост-Индии, – но и во всех цивилизованных странах. Писатель вполне национальный – в том смысле, что все созданные им лица – англичане до мозга костей, англичане во всех своих добрых и дурных свойствах, – Диккенс умел в то же время затронуть общечеловеческие струны, создать общечеловеческие типы; его герои понятны, близки не только его соплеменникам, но и нам, русским, и французам, и итальянцам; интеллигентный читатель восхищается тонкой художественной отделкой его произведений, полуграмотный лондонский пролетарий зачитывается его романами, ненавидит злодеев, выставленных им, умиляется над его добродетельными героями.

Две основные черты характеризуют все произведения Диккенса и обуславливают их громадную популярность. Это, во-первых, его юмор, – неподражаемый, добродушный юмор, с которым он подходит ко всем явлениям в жизни. Юмор этот в редких случаях переходит в сатиру на общие государственные или общественные учреждения, но гораздо чаще останавливается на изображении отдельных личностей или отдельных пороков, наиболее распространенных в английском обществе. В этом отношении Диккенс имеет много общего с нашим Гоголем. Как Гоголь, на первый взгляд, изображал только отдельные личности, не касаясь общего строя жизни, и в то же время сумел придать своим собакевичам, маниловым, сквозник-дмухановским и прочим типичные черты данной эпохи, данного общества, так что мы видим в его произведениях полную картину дореформенной России, так и Диккенс в своих домби, пекснифах, подснепах дает нам чисто личные типы, – а между тем благодаря этим типам перед нами разворачивается скрытая от поверхностного наблюдателя неказистая

сторона жизни английского общества с его эгоизмом, самодовольством, лицемерным ханжеством.

Галерея юмористических портретов, представленных Диккенсом, поражает своей обширностью и разнообразием. Мы находим в ней людей всех классов общества, начиная с чванного лорда и гордой неприступной леди и кончая несчастным бездомным бродягой. Но юмор автора изощряется преимущественно над картинами жизни среднего сословия, богатой буржуазии. Аристократы редко появляются в его романах, в жизни бедняков он склонен отмечать скорее патетические, чем комические элементы; но самодовольный, самоуверенный буржуа, с высоты своего денежного мешка презрительно взирающий на окружающий мир, находит в Диккенсе неподкупного обличителя, мастерской рукой срывающего с него все мишурные блески лицемерной добродетели.

Вторая черта, отличающая произведения Диккенса, – это глубокая гуманность, можно сказать нежность, с какой он относится ко всему слабому, малому, обиженному судьбой или людьми. Мы встречаем в его романах целый ряд невидных, часто комичных личностей, одаренных чутким, самоотверженным сердцем, скромных героев повседневной жизни; он, не скрывая, выставил напоказ все их слабые, смешные стороны и в то же время сумел заставить нас сочувствовать им, любить их, любить тем сильнее, чем больше мы смеемся над их странностями. В сердцах тружеников, придавленных нуждой, вечно голодных пролетариев, грязных обитателей лондонских трущоб он сумел найти такие сокровища любви, терпения, человечности, что читатель невольно проникается симпатией к ним и вместе с автором охотно прощает им всю житейскую грязь, густым слоем заволакивающую эти сокровища.

Некоторые строгие критики упрекали Диккенса в отсутствии объективности, в слишком страстном отношении к создаваемым им образам. Упрек этот вполне справедлив. Действительно, Диккенс не может спокойно и равнодушно относиться к своим героям, как к художественно созданным типам. Для него это люди, реальные существа, которых он или оплакивает горькими слезами, или осмеивает громким хохотом в тиши своего рабочего кабинета. Заканчивая писать большой роман, он тоскует, что должен расстаться с его действующими лицами, должен оторваться от их жизни. Такое отношение к созданиям собственной фантазии имеет, несомненно, и слабую сторону: спускаясь с высот бесстрастного созерцания, художник увлекается чувством и, сам того не замечая, сгущает темные краски при изображении одних лиц, окружает светлым ореолом любви другие. Но этот недостаток с избытком вознаграждается тем впечатлением, какое глубоко чувствующий, страстно увлекающийся автор производит на читателя. Прежде чем этот читатель подметит легкую черту шаржа, он уже побежден неподдельным чувством автора, он любит, ненавидит, плачет и смеется вместе с ним, вместе с ним презирает ложь, низость, эгоизм, высокомерие, вместе с ним преклоняется перед идеалом добра, правды, любви.

Глава I

Счастливое детство. – Наблюдательность и фантазия. – Перемена жизни. – Тяжелые испытания. – Долговая тюрьма и мастерская.

Чарльз Диккенс родился 7 февраля 1812 года в Портси, предместье Портсмута, где его отец служил мелким чиновником морского министерства. Мальчику было всего два года, когда его семья переселилась сначала в Лондон, а вскоре после того в Чатэм; между тем он ясно помнил садик, окружавший их дом в Портси, помнил, как гулял по этому садику за руку со своей старшей сестрой Фанни, помнил площадь, на которой любовался ученьем солдат, помнил, что из Портси им пришлось уезжать в холодный день в снежную метель.

В Чатэме Диккенсы прожили шесть лет, и это было время счастливого детства Чарльза. От природы слабый, хилый ребенок, часто страдавший нервными припадками, он не любил шумных детских игр и редко принимал в них участие. Но, может быть, именно благодаря этой физической слабости полнее развивалась его врожденная наблюдательность, его творческая фантазия. Он целыми часами сидел на одном месте и следил внимательными глазами за играми товарищей, за военными упражнениями солдат, за всеми проходившими и проезжавшими мимо дома. Выучившись очень рано грамоте, он пристрастился к книгам и стал с жадностью читать и перечитывать небольшую библиотеку своего отца. «Родерик Рандом», «Векфилдский священник», «Дон Кихот», «Жиль Блаз», «Робинзон Крузо», «Тысяча и одна ночь», описания путешествий населили голову ребенка массой живых образов. Он увлекался своими героями, переносился в их жизнь, попеременно воображая себя то Робинзоном Крузо на необитаемом острове, то храбрым английским капитаном, то могущественным султаном, то нежным любовником.

Вся окружающая местность: кладбище, соседняя церковь, трактир – все это связывалось в его воображении с приключениями того или другого героя. Пока прочие дети бегали и резвились, Чарльз жил своей собственной внутренней жизнью и находил в этой жизни нескончаемый источник наслаждений. Мечтательность не делала его, однако, угрюмым и нелюдимым. Он всегда был рад, когда сестра или товарищи просили его рассказать им что-нибудь; он с увлечением передавал прочитанные истории и часто прибавлял к ним создания своей собственной фантазии. Диккенсу было лет пять-шесть, когда один молодой родственник сводил его в театр, и он до конца жизни не мог забыть, какое сильное впечатление произвели на него в то время «Ричард III» и «Макбет». Под влиянием театра маленький Чарльз и сам написал трагедию – «Мисмар – индейский султан» – и с увлечением разыгрывал ее вместе с товарищами.

Чарльзу исполнилось девять лет, когда его отцу пришлось оставить Чатэм и перебраться с семьей в Лондон. С этим переселением кончилось для мальчика время беззаботного детства, началась жизнь, полная невзгод и лишений. Отец его был человек добрый, нежно любивший семью и старавшийся добросовестно исполнять всякое дело, за какое брался, – но в то же время легкомысленный, нерасчетливый в денежных делах, привыкший жить на широкую ногу и не отказывать себе в разных прихотях. При переезде в Лондон у него было шестеро детей; жалованья, получаемого им, могло хватить на содержание такой большой семьи только при крайней бережливости и расчетливости, – а к этой расчетливости мистер Диккенс был совершенно не способен. Он еще раньше прожил небольшой капитал, оставленный ему отцом, и приданое жены, теперь ему пришлось прибегнуть к займам. Чтобы уплатить одному кредитору, он занимал у другого под большие проценты и запутывался все больше и больше. Семья поселилась в маленькой квартирке одного из бедных предместий Лондона. Тут не было ни сада, ни площадки, на которой дети могли бы свободно играть с товарищами; запертые в тесных комнатах, они поневоле были свидетелями

всего, что делали и говорили родители. Слова «вексель», «отсрочка», «сделка» наполняли ужасом сердце маленького Чарльза, принимали в его воображении вид каких-то фантастических чудовищ. О воспитании его никто не заботился. Родителям было не до того. В Чатэме он посещал небольшую частную школу и считался одним из лучших учеников; здесь его старшую сестру Фанни отдали в музыкальную академию, а он оставался дома без всякого призора, чистил сапоги, исполнял мелкие домашние работы, присматривал за младшими детьми.

Чтобы помочь мужу, миссис Диккенс решила открыть учебное заведение с пансионом для детей. Недлиная история этого предприятия описана Диккенсом в его «Дэвиде Копперфилде». Подобно мистеру Микоберу, мистер Диккенс был убежден, что дело его жены пойдет великолепно и поправит денежные обстоятельства семьи. Наняли целый дом, на дверях прибили большую вывеску. Чарльз разносил в разные дома объявления, в которых красноречиво перечислялись достоинства нового учебного заведения, но – увы! Никто не выразил желания поручить своего ребенка попечению миссис Диккенс, да и в самом «учебном заведении» не делалось никаких серьезных приготовлений к приему учеников.

Между тем кредиторы становились все назойливее: булочники, мясники грубо требовали уплаты по счетам, и дело кончилось тем, что мистер Диккенс был признан несостоятельным должником, арестован и посажен в тюрьму Маршалси. Мы имеем яркое описание этой тюрьмы в двух романах Диккенса: в «Дэвиде Копперфилде» и в «Крошке Доррит». Все те живые фигуры тюремных жителей, все трогательные и юмористические сцены под сводами мрачного здания, которыми мы восхищаемся в этих романах, волновали душу ребенка, запечатлевались в ней неизгладимыми чертами.

Попав в тюрьму, мистер Диккенс, естественно, лишился всякого кредита, и единственным средством жизни семьи осталась небольшая пенсия, которую он получал, потеряв место на службе. Так как этой пенсии не хватало на удовлетворение первых потребностей, то приходилось продавать и закладывать разные домашние вещи. Все сделки со старьевщиками и закладчиками мать по большей части поручала Чарльзу. Слабенький робкий ребенок должен был ходить по грязным лавчонкам, выпрашивать несколько лишних пенсов у грубых хитрых торгашей, которых он впоследствии так живо изобразил в своих романах. Никто не подозревал, какой горечью наполняло это его детское сердце, с какой завистью поглядывал он на своих сверстников, бежавших в школы: они учились, они могли стать образованными людьми, для него же это было недостижимым счастьем. Ему, конечно, и в голову не приходило, что он также учится, что те уроки, которые дает ему суровая действительность, окажутся, может быть, плодотворнее для его деятельности, чем всякое школьное обучение. Основной чертой произведений Диккенса является его сочувственное отношение к униженным, обездоленным, страдающим. Это не снисходительное сострадание гуманного мыслителя, это горячее сочувствие любящего человека, и кто знает, зародилось ли бы в душе его это сочувствие, если бы ему не пришлось быть свидетелем бесчисленных сцен незаслуженного унижения, безропотного горя, безысходной нищеты в тех грязных переулках Лондона, где он начал жить сознательной жизнью; если бы сам он не испытал отчасти и этих унижений, и этого горя, и этой нищеты. Впечатления детства оставляют в душе человека наиболее яркие, наиболее прочные следы, и впечатления бедного маленького Чарльза не изгладились до конца жизни великого романиста, постоянно давая ему возможность пробуждать в сердцах читателей те чувства гуманности и любви, которые наполняли его собственное сердце.

Вскоре Чарльзу пришлось перенести еще более тяжелые испытания. Тот самый родственник, который возбудил в нем страсть к театру, стал пайщиком в одном промышленном предприятии по выделке и продаже ваксы. Видя нищету Диккенсов, он предложил взять к себе в работники Чарльза с платой по шесть шиллингов в неделю. «Я удивляюсь, – рассказывал много лет спустя Диккенс, – как это никто не сжалился надо мной, хотя все признавали,

что я мальчик способный, впечатлительный, живо чувствующий всякое физическое или нравственное оскорбление. Отец и мама так обрадовались моему поступлению к Джорджу Ламберту, точно я в двадцать лет окончил с отличием курс грамматической школы и перехожу в Кембриджский университет».

Дом, в котором помещался склад ваксы, был грязным, ветхим зданием, переполненным крысами, которые возились на чердаке и с шумом бегали по лестницам. Чарльз должен был работать в сыром подвальном этаже вместе с двумя другими мальчиками и несколькими взрослыми рабочими. Обязанность его состояла в том, чтобы наворачивать бумажки на банки с ваксой и наклеивать на них ярлыки. Дело это было нетрудное, но очень скучное из-за своего однообразия. На Диккенса и оно, и та грязная обстановка, то общество грубых, необразованных товарищей, в котором ему приходилось проводить время, действовали угнетающим образом.

«Никакими словами нельзя передать, – говорит он в своих записках, – тайное страдание души моей, когда я очутился в этой обстановке, когда я сравнивал своих тогдашних товарищей с товарищами счастливых лет моего первого детства; когда я чувствовал, что все мои надежды стать образованным и знаменитым человеком уничтожаются навсегда. Я не могу высказать, как живо помню овладевшее мной чувство заброшенности, беспомощности, стыда за свое положение, страдания от сознания, что все, чему я учился, о чем думал, чем наслаждался, все, что развивало мою фантазию и мое честолюбие, – все отнято у меня и не возвратится мне никогда более. Чувство горя и унижения так глубоко запало в мою душу, что даже теперь, когда я пользуюсь известностью, любовью и счастьем, я часто во сне забываю, что у меня есть любимая жена и дети, что я взрослый человек, и с ужасом вижу себя снова в тот тяжелый период своей жизни».

Денежные дела Диккенсов не поправлялись, и г-же Диккенс с младшими детьми пришлось перебраться к мужу в тюрьму. Чарльза поместили на квартиру к одной бедной женщине, державшей пансионеров и послужившей впоследствии прототипом миссис Пипчинс в «Домби и сыне». Питаться мальчик должен был всю неделю сам на свой заработок, а воскресенье он проводил в тюрьме с семьей.

«На завтрак я покупал себе, – рассказывает Диккенс, – маленький хлебец и молока на пенни; другой такой же хлебец и четверть фунта сыру лежали у меня в шкафу для ужина. Я был еще так мал и неразумен, что часто не мог противостоять искушению сладкими пирожками, выставленными в окнах кондитерских, и тратил на них деньги, назначенные на обед. Тогда мне приходилось вместо обеда довольствоваться маленькой булочкой или куском пудинга. Нам давали каждый день полчаса отдыха для чая. Когда у меня были деньги, я ходил в кафе и выпивал кружку кофе с бутербродом; когда у меня не было денег, я бродил по Ковент-Гарденскому рынку и засматривался на ананасы. Я уверен, что ни сознательно, ни бессознательно нисколько не преувеличиваю свое тяжелое положение. Я помню, что когда кто-нибудь дарил мне шиллинг, я немедленно тратил его на обед или на чай; я был бедно одет, работал с утра до ночи с простыми рабочими, ел плохо и мало и часто голодный бродил по улицам. Целую неделю не слышал я ни от кого ни слова совета, предостережения или утешения, ни в ком не видел поддержки или ободрения; только Бог спас меня, что я не стал воришкой или маленьким бродягой».

В душе ребенка таились силы, неосознаваемые им самим, силы, которые поддерживали его в нравственном отношении. Он страдал молча, никому не показывая, что происходило в его сердце, и в то же время работал самым усердным, добросовестным образом, чтобы не подвергнуться унижению выговоров или насмешек. Этот полуголодный, робкий, нищенски одетый ребенок так отличался своим обращением и манерой говорить от остальных рабочих, сидевших в одной с ним комнате, что все они, по какому-то молчаливому соглашению, называли его обыкновенно «маленький джентльмен».

Особенно огорчало Диккенса то, что он был разлучен с родителями, семьей, что после целого дня работы он не видел родного, приветливого лица. Однажды в воскресенье, прощаясь с отцом на целую неделю, мальчик не выдержал и голосом, прерывающимся от рыданий, высказал все, что накопилось у него на душе. Мистер Диккенс был поражен. По легкомыслию своему он и не подозревал, как плохо живет мальчику. Он немедленно принял меры, чтобы облегчить его положение. Решено было, что Чарльз будет каждый день завтракать и ужинать с семьей, а для ночлега ему наняли крошечную мансарду в одной добродушной семье, впоследствии изображенной им под именем семейства Гарланд в «Лавке древностей». Должно быть, тяжела была жизнь ребенка, если он считал для себя за счастье проводить каждый день несколько часов в тюрьме и спать на полу на чердаке, из окошечка которого открывался вид на дровяной двор!

Диккенсу было в то время лет одиннадцать-двенадцать, но он оставался таким маленьким и хилым на вид, что казался гораздо моложе. Когда он заходил в пивные и важно спрашивал кружку эля, продавцы с состраданием поглядывали на него и наливали ему самого слабого пива, а когда по случаю какого-то торжества он вздумал отобедать в большом ресторане, все лакеи собрались смотреть на крошечного джентльмена. Болезненные припадки, мучившие его в раннем детстве, продолжали повторяться время от времени. Диккенс помнил, как за ним ухаживали рабочие, когда он заболел на складе ваксы, и как перепугались его хозяева, когда у него однажды ночью случился припадок страшной нервной боли в боку.

Несмотря на неблагоприятную обстановку, наблюдательность и фантазия его не погибли. Все улицы и переулки, по которым он проходил, запечатлялись в уме его с самыми мельчайшими подробностями, множество лиц, с которыми он встречался, воскресли с поразительной жизненностью в его романах. Мать рассказывала ему истории из жизни разных обитателей долгой тюрьмы, а он своим воображением дополнял и разукрашивал эти рассказы. Часто по утрам ему приходилось ждать около тюрьмы, пока отворят ворота; с ним вместе ждала молоденькая поденщица, приходившая помогать его матери в домашних работах, и он все время занимал ее разными фантастическими рассказами собственного сочинения. У него не было времени на чтение, не было денег на покупку книг, но во время работ на складе ваксы он часто вспоминал романы, прочитанные им в более счастливые годы, и рассказывал их рабочим.

Такая тяжелая жизнь мальчика продолжалась года три, как вдруг отец его неожиданно получил небольшое наследство. Это дало ему возможность расплатиться с долгами и выйти из тюрьмы. Ему показалось унижительным, что сын его работает как простой рабочий, он взял Чарльза из мастерской и поместил его в школу. В доме Диккенсов старались никогда не упоминать об этих годах, считавшихся позорными для семьи, и сам романист много лет спустя не рассказывал о них даже своим ближайшим друзьям.

«Я опустил завесу на этот период моей жизни, – пишет он в своих записках, – и до сих пор не поднимал ее ни для кого, даже для жены. Пока все соседние улицы не были перестроены, у меня не хватало мужества сходить посмотреть на то место, где я жил жалким поденщиком. Много лет спустя, когда мне случалось бывать около магазина ваксы Уоррена, я переходил на другую сторону улицы, чтобы не слышать запаха, напоминавшего мне мое прошлое. Когда мой старший сын уже умел говорить, я все еще не мог без слез пройти по переулку, которым, бывало, ходил из склада домой».

Глава II

Школа. – Стенография и репортерство. – Начало литературной деятельности. – Женитьба. – «Записки Пиквикского клуба»

Два года провел Диккенс в школе мистера Джонса, носившей громкое название «Классическая и коммерческая академия Вашингтонхауз». Трудно предположить, что эти два года много дали ему в смысле научного развития, тем более что начальник школы был человеком малообразованным, преподавание велось рутинным способом, дисциплина поддерживалась посредством побоев и телесных наказаний. Пребывание в школе имело для мальчика хорошую сторону потому, что вернуло его в общество сверстников, уничтожило мучившее его чувство приниженности и возбудило в нем сознание собственных умственных сил. С изменившимися обстоятельствами поправилось и его здоровье. Товарищи по школе вспоминают о нем как о веселом, даже шаловливом мальчишке, охотно участвовавшем во всех школьных шалостях и проделках. Он вместе со своими одноклассниками воспитывал белых мышей в пюпитре, дразнил старых леди, прикидываясь нищим и выпрашивая у них милостыню, выдумывал особенный язык «lingo», разыгрывал драматические сцены и маленькие комедии в зале школы. Благодаря хорошим способностям и прилежанию он не отставал в ученье от своих сверстников, и никто из них не подозревал, как шла его жизнь в предшествующие годы. В «академии», так же как в тюрьме, как в бедных лавчонках и грязных переулках, наблюдательность не покидала Диккенса: он до тонкости узнал жизнь школы и школьников и мог впоследствии воспроизвести в своих романах все ее полугрустные, полусмешные эпизоды.

Наследство, полученное отцом Диккенса, было скоро прожито. Чтобы как-нибудь сводить концы с концами, он занял место репортера в одной небольшой газетке. Пятнадцатилетнему Чарльзу пришлось оставить школу и снова начать зарабатывать свой хлеб. Его определили младшим клерком (писцом) к стряпчему на жалованье тринадцать с половиной шиллингов в неделю. Опять приходилось ему проводить целые дни за неприятной работой, в обществе разных конторщиков, юмористические фигуры которых населили впоследствии его произведения. Снова рушились его надежды стать человеком образованным и сколько-нибудь подняться по общественной лестнице, опять видел он в перспективе долгие годы скучной работы, скудного заработка, серой, однообразной жизни. Но на этот раз будущий романист не покорился своей участи с безропотностью ребенка. Он решил собственными усилиями выбиться из тяжелых обстоятельств, завоевать более счастливое положение. Чтобы восполнить пробелы своего образования, он стал аккуратно каждый день проводить несколько часов за чтением в библиотеке Британского музея, а для увеличения своих материальных средств задумал сделаться, по примеру отца, репортером и выучиться стенографии. В «Дэвиде Копперфидде» мы имеем яркое описание того, с каким трудом давалось ему изучение этого искусства. Но юноша не унывал; все немногие минуты, свободные от других занятий, отдавал он учебнику стенографии и достиг того, что года через два-три сделался одним из лучших стенографов Лондона. Долго не удавалось ему получить места в галерее парламента в качестве репортера какой-нибудь политической газеты. Он должен был ограничиваться составлением судебных отчетов. Работа эта была непостоянная, оплачивалась скудно, и Диккенс задумал попробовать свои силы на другом поприще. Он стал готовиться к сцене, ходил в театры, когда там играли хорошие актеры, а дома, запершись у себя в комнате, упражнялся по несколько часов сряду в чтении ролей и в разных мимических движениях. Наконец, когда ему показалось, что он достаточно подготовился, он обратился к содержателю одного из лондонских театров, Бартлею, с просьбой принять его на сцену. Бартлей назначил ему испытание через две недели. С неопишуемым волнением готовился

Диккенс к этому испытанию, но – увы! Накануне назначенного дня он простудился, у него сделалась рожа на лице и воспаление уха! Пришлось отложить испытание до следующего сезона. Между тем маленькая газетка «True Sun» предложила ему место стенографа, и таким образом он получил доступ в галерею парламента, а несколько месяцев спустя был зачислен в число репортеров большой ежедневной газеты «Morning Chronicle». Эта новая должность отнимала столько времени и оплачивалась так хорошо, что Диккенс отказался от мечты о театре.

Вот как сам он описывал свою жизнь репортера много лет спустя на одном обеде в обществе литературного фонда. «Я начал свою репортерскую деятельность при обстоятельствах, о которых многие из здесь присутствующих собратьев моих не имеют ни малейшего представления. Часто, восстанавливая для печати стенографические записки важных политических речей, при передаче которых требовалась величайшая аккуратность, где малейшая ошибка могла совершенно скомпрометировать молодого репортера, я должен был держать бумагу на ладони руки и писать при скудном свете фонаря, в почтовой карете, мчавшейся с изумительной по тому времени быстротой – пятнадцать миль в час. Помню, как мне пришлось в Эксетере записывать предвыборную речь Джона Рассела во дворе замка, среди неистовых криков всех местных шалопаев и под таким проливным дождем, что двое из моих товарищей добродушно держали носовой платок над моей записной книжкой, точно балдахин при религиозной процессии. Я протер себе колени, сидя на задней скамейке в старой галерее старой нижней палаты; я отбил себе ноги, стоя в старой палате лордов за нелепой загородкой, куда нас загоняли точно стадо овец, в ожидании, пока председатель займет свое место. Возвращаясь в Лондон, в нетерпеливо ожидавшую меня редакцию, с оживленных митингов из провинции, я, кажется, перепробовал все возможные экипажи, известные в стране. Сколько раз приходилось мне поздней ночью останавливаться милях в сорока-пятидесяти от Лондона, среди грязной проселочной дороги из-за того, что лошади не могли двигаться от усталости или колесо свалилось и извозчик оказывался пьяным! А между тем я до сих пор помню, как много привлекательного было в моей тогдашней работе! Сама быстрота и точность, с какой я должен был исполнять ее, доставляли мне истинное наслаждение».

Кроме того, необходимость частых передвижений, знакомство с разнообразными местностями, со множеством лиц всех слоев общества доставляли удовольствие молодому человеку, давали новую пищу его наблюдательности и его юмору. Бесконечная вереница комических и трагических лиц проходила перед глазами его в залах парламента, в палате суда, на шумных избирательных митингах, на торжественных заседаниях разных обществ, в тряских почтовых каретах, в захолустных гостиницах и трактирах. И какое множество этих лиц удалось ему увековечить в своих романах!

Одновременно с репортерством началась и литературная деятельность Диккенса. В 1833 году в декабрьской книжке «Old Monthly Magazine» появилось его первое печатное произведение – рассказ «A Dinner at Poplar Walk» («Обед в аллее тополей»), впоследствии перепечатанный под заглавием «Minns and His Cousin». Со страхом и трепетом опустил он свою рукопись в темный почтовый ящик в глубине двора и с невыразимым волнением увидел свой рассказ в печати. «Я должен был зайти в залу Вестминстера, – рассказывал он, – и некоторое время ходить по ней взад и вперед, так как глаза мои до того блистали радостью и гордостью, что не могли выносить уличного света, да и неловко было показывать их прохожим».

Вслед за первым рассказом в том же журнале появилось еще девять, подписанных именем Боз, в честь младшего, любимого брата Диккенса, которого домашние называли этим прозвищем.

В 1835 году редакция «Morning Chronicle» решила издавать вечернее приложение к газете, и редактор этого приложения, Гогард, попросил Диккенса дать ему небольшой рас-

сказ для первого номера. Диккенс с удовольствием согласился и в то же время робко спросил, не пожелают ли издатели газеты принять от него целый ряд мелких очерков под одним общим заглавием и не сочтут ли они возможным платить ему сколько-нибудь за эти очерки, кроме его репортерского жалования. Издатели ответили утвердительно на оба вопроса и увеличили его жалование с пяти до семи гиней в неделю.

В 1836 году Диккенс собрал все свои мелкие рассказы в два тома и продал их за полторы тысячи рублей одному молодому издателю, который выпустил их в свет под заглавием «Очерки Боза. Изображение будничной жизни и будничных людей» («Sketches by Boz»). Маленькие книжки, снабженные привлекательными иллюстрациями, сразу приобрели симпатии публики и доставили известность молодому автору. В этих первых опытах пера Диккенса уже проглядывают все те достоинства, какими мы восхищаемся в его больших романах: здесь попадаются сцены неподражаемого юмора, трогательные описания, черты тонкой наблюдательности. Лондон является перед нами с его страданиями и радостями, с его грязью, нищетой, туманами и предрассудками; мы видим руку великого мастера, – но руку еще робкую, неопытную. Описания несколько суховаты, юмор временами груб, напыщенность нередко занимает место живого чувства.

1836 год имел важное значение в жизни Диккенса: в начале этого года он женился на мисс Катерине Гогард, старшей дочери редактора той самой «Вечерней хроники», в которой помещались его «Очерки». В этом же году он приобрел славу как писатель и мог вполне посвятить себя литературе, не заботясь о постороннем заработке.

Первое крупное произведение Диккенса, сразу завоевавшее ему и славу и материальное обеспечение, «Записки Пиквикского клуба» («The Posthumous Papers of the Pickwick Club»), начато им случайно, без строго обдуманного плана. Одна издательская фирма, «Чепман и Галль», задумала выпустить в свет серию карикатурных листков, изображающих положения разных охотников и спортсменов. Известный в то время карикатурист, Сеймур, должен был поставлять рисунки, а писать к ним текст редакторы хотели поручить «Бозу». Диккенс принял их предложение, но в значительно измененном виде: он согласился ежемесячно поставлять им около двух печатных листов текста с тем, чтобы Сеймур иллюстрировал его. В виде уступки первоначальному плану, Пиквик явился председателем клуба, а Винкль – неудачливым спортсменом. Начиная писать знаменитые «Записки», Диккенс намеревался просто создать забавную книгу, в которой смешные картинки усиливали бы впечатление веселого текста. Но по мере того, как он входил в роль своих героев, сживался с ними, перед ним раскрывались более серьезные стороны их характера. В первых главах мистер Пиквик является нам в несколько карикатурном виде ученого, «исследовавшего великие пруды Гамштета до самого источника их». Но мало-помалу характер его изменяется, и в конце концов мы видим перед собой человека со здравым умом и прекрасным сердцем, стоящего гораздо выше исследования Гамштетских прудов и тому подобных нелепостей. При описании сцен в тюрьме автор, очевидно, намеревался не просто вызвать смех, но и затронуть более глубокие струны человеческого сердца. Чем далее продвигался роман, тем яснее сознавал он силу своего творчества и свою обязанность не расходовать эту силу на простую потеху публики. И читающая публика сразу почувствовала, что перед ней произведение настоящего таланта. Скромные книжки, явившиеся без всяких широковещательных реклам, не обещавшие заинтересовать захватывающей фабулой романа, после четырех-пяти выпусков приобрели необыкновенную популярность, возраставшую с каждым месяцем.

Первый выпуск «Записок» разошелся в количестве четырех тысяч экземпляров, пятнадцатый – в количестве сорока с лишним тысяч. В магазинах выставлены были шляпы, трости, сигары и материи à la Пиквик, знакомые, встречаясь на улице, обсуждали приключения действующих лиц романа, точно происшествия из жизни близких знакомых. Люди всех возрастов, всех классов общества зачитывались «Пиквиком». Карлейль рассказывает,

что один благочестивый священник пришел к умирающему больному и долго беседовал с ним, стараясь приготовить его к переходу в лучший мир. Ему казалось, что он достиг своей цели, как вдруг больной прошептал: «Новая книжка „Пиквика“ выйдет через десять дней, – даст Бог, я все-таки проживу до тех пор и прочту ее!»

Период тяжелой борьбы за существование безвозвратно прошел для Диккенса. Перед ним открылась широкая дорога славы и материального достатка. Испытания, пережитые в ранней юности, закалили его характер, развили в нем твердую волю, страстную решимость не поддаваться обстоятельствам, а самому господствовать над ними. Пример отца, страдавшего и заставлявшего других страдать из-за легкомыслия и беспорядочности, послужил ему уроком на всю жизнь, и сам он всегда был образцом аккуратности, точности и порядка. «Если братья за дело, то надо делать его хорошо!» – говорил он обыкновенно и действительно исполнял не только добросовестно, но даже с каким-то увлечением, всякое дело, за которое брался. Самоуверенный, как все люди, «сами себя сделавшие», он считал, что силой воли может победить все препятствия, достигнуть всего, чего захочет, и очень не любил отступать от однажды принятого решения. Впрочем, излишняя самоуверенность и некоторое стремление подчинить окружающих своим вкусам и желаниям смягчались у него почти женской нежностью, чувствительностью, страстным исканием дружбы и симпатии. Сам он вполне сознавал свои недостатки и приписывал их главным образом влиянию несчастного детства. «Умоляю Вас, – писал он гораздо позже, в 1862 году, своему другу Форстеру, – вспомните все, что Вы знаете о моем детстве, и спросите себя: не естественно ли, что некоторые черты характера, образовавшиеся у меня тогда и сгладившиеся при счастливых обстоятельствах, снова появились в эти последние годы. Страдания прежнего времени породили болезненную обидчивость и подозрительность в полуголодном, полуодетом ребенке, и страдания последнего времени снова вызвали на свет эти черты».

В молодые годы, в годы «Пиквика» и начала блестящей литературной карьеры все, что могло быть несколько жесткого в характере Диккенса, вполне ступшеывалось под влиянием счастья, неожиданного успеха, общей симпатии и поклонения его таланту. Все, кто знал его в то время, отзываются о нем как о человеке в высшей степени привлекательном, обаятельно действовавшем на окружающих. Здоровье его окрепло, он вовсе не походил на хилого ребенка, изнывавшего на складе ваксы: теперь это был молодой человек невысокого роста, но очень правильно сложенный, с легкой поступью, свободными манерами и раскованными движениями. Целая шапка роскошных каштановых кудрей покрывала его голову, ясные голубые глаза его светились веселым юмором, большой рот с полными губами добродушно улыбался. Все лицо его было необыкновенно выразительно, подвижно, фигура говорила о деятельной, энергичной натуре. «Он весь точно скован из стали», – отзывалась о нем г-жа Карлейль. «Какое удивительное лицо, – заметил один господин, в первый раз встретивший его в обществе, – в нем как будто соединены жизни и души пятидесяти человеческих существ!»

Глава III

Активная деятельность, – Материальное благосостояние. – Горе. – Правильная жизнь. – «Оливер Твист». – «Николас Никльби»

Диккенс всегда был неутомимым работником, способным отдавать всего себя делу, за которое брался. Неожиданный успех «Записок Пиквикского клуба» показал ему его собственные силы, его призвание, и он с жадностью набросился на литературную деятельность. В течение четырех лет он написал пять больших романов и, кроме того, несколько мелких произведений. Со своей стороны, издатели сразу поняли, как много выгоды мог принести им молодой писатель, так быстро завоевавший себе громадную популярность, и всеми силами подстрекали его писать как можно больше. В 1836 году, начав «Пиквика», Диккенс до конца парламентской сессии продолжал занимать место репортера; в том же году он написал памфлет по поводу строгого соблюдения воскресенья, маленькую комедию «Станный джентльмен» («The Strange Gentleman») и либретто комической оперы «Деревенские кокетки» («The Village Coquettes»). В 1837 году, не закончив еще «Пиквика», он составил на основании разных доставленных ему материалов биографию клоуна Гримальди, популярного в Англии в двадцатых годах, и заключил с издателем Бентлеем договор, по которому обязался редактировать ежемесячный журнал «Miscellanies» и написать для этого журнала роман. Фирма «Чепман и Галль», со своей стороны, настаивала, чтобы немедленно по окончании «Пиквика» он дал другой роман в таком же роде, выходящий точно так же небольшими иллюстрированными книжками.

Вместе с успехами на литературном поприще возрастало и материальное благосостояние Диккенса. В начале издания «Пиквика» ему предложили за каждый выпуск по сто сорок рублей, и он находил это предложение вполне выгодным, особенно когда издатели согласились заплатить ему вперед за два выпуска: благодаря этим деньгам он смог жениться на страстно любимой девушке. По всей вероятности, жизнь его в то время сильно походила на жизнь Тома Траддлеса из «Дэвида Копперфилда». Он, так же как Траддлес, остался с молодой женой на своей холостяцкой квартире и, так же как Траддлес, должен был из своих заработков помогать семье, только не жениной, а своей собственной; наконец, в его доме, так же как в доме добряка Траддлеса, постоянно гостила какая-нибудь из своячениц. Когда успех «Пиквика» стал очевиден, издатели постыдились оплачивать его так скудно и стали присылать автору добавочную плату, составившую за все выпуски около двадцати пяти тысяч рублей. На новый роман заключено было соглашение уже на совершенно иных основаниях: издатели обязались уплатить за него тридцать тысяч рублей и пользоваться правом издания в течение пяти лет, а после этого срока роман становился собственностью автора. Бентлей также вскоре значительно увеличил вознаграждение, которое обязался было платить «молодому писателю». Издатель Макрон, купивший «Очерки Боза» за полторы тысячи рублей, казавшиеся Диккенсу целым состоянием в начале 1834 года, вздумал через год сделать второе издание их в форме ежемесячных книжек, – но тогда Диккенс уже не мог допустить такой эксплуатации своего имени и после долгих неприятных переговоров выкупил «Очерки» за двадцать тысяч рублей. Помощником и поверенным Диккенса при всех его сделках с издателями и книгопродавцами являлся Джон Форстер – честный, правдивый, практичный человек, с которым Диккенс познакомился в 1836 году и с которым его скоро связала самая тесная дружба, окончившаяся только со смертью романиста. Старший по возрасту, гораздо более благоразумный и осторожный в житейских делах, Форстер был бесценным советником для молодого писателя, легко поддававшегося увлечениям и склонного всякое свое намерение быстро приводить в исполнение. Советы Форстера касались не одних только практических вопросов. С первых выпусков «Оливера Твиста» у Диккенса вошло в обыкновение, прежде

чем отдавать в печать свои произведения, прочитывать их своему другу и обсуждать вместе с ним судьбу того или другого героя. Всякое практическое замечание Форстера с благодарностью принималось им, но нельзя не заметить, что Форстер гораздо больше сочувствовал и восхищался, чем критиковал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.